

Маркелова Софья

РУКА БЕЗ КОСТЕЙ

18+

Софья Сергеевна Маркелова

Рука без костей

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=69501844

SelfPub; 2023

Аннотация

Для двух томящихся от безделья девочек в старом музее, где работает их мама, уже давно нет ничего интересного. Надоели одинаковые экспонаты и пыльные коридоры. И только живущая в вентиляции Рука, охочая до ломких косточек, способна развеять детскую скуку. Обложка для рассказа создана нейросетью.

Софья Маркелова

Рука без костей

Сколько Ирка себя помнила, мама то и дело брала их с сестрой на работу. По крайней мере, унылые залы музея Ирка видела куда чаще, чем стены родного дома. Сперва, когда Веточка была совсем маленькой, приходилось затаскивать по разбитым ступеням тяжёлую коляску, где крошечным пищащим комком вертелась новообретённая сестра. Мама ставила коляску возле своего стола, постоянно заваленного всяким разным, усаживала рядом Ирку на табуретку и каждые пару минут по-совиному крутила головой, то поглядывая на детей, то на свои косточки.

Косточки мама очень любила. Иногда Ирке даже казалось, что гораздо больше, чем их с сестрой. Сама она называла себя как-то длинно и заковыристо, у Ирки в голове удержалось только два слова – хранитель коллекции. Мамина работа заключалась в том, что она приводила дочерей в старый пропахший пылью музей динозавров рано утром, усаживалась за загромождённый стол и там перекладывала, чистила и измеряла целую грудку различных косточек. Иногда мама показывала что-нибудь эдакое Ирке и с придыханием говорила:

– Это лапка маврикийского дронга! Только погляди на проксимальный конец предплюсны!

И Ирка, вяло подперев голову кулачком, без восторга

осматривала когтистую трёхпалую лапу какого-то там дронта, которому скоро предстояло очутиться на витрине под светом ламп, где теснилась экспозиция о многообразии жизни на Земле. Как раз между панцирем явно погибшей от старости черепахи и оскаленным черепом медведя с выбитыми клыками, в окружении бесконечного множества стендов с вымершими окаменевшими динозаврами.

Когда Веточка стала взрослее и заботу о ней возложили на Иркины плечи, девочки всё так же часто продолжали гостить в старом музее. Порой мама брала их в свой кабинет, но чаще оставляла в комнате отдыха, где редко бывали сотрудники. Заняться там было совершенно нечем, так что сёстры бесились, прыгая по кряхтящему дивану, либо предавались скуке.

А не так давно музей закрылся для посетителей на ремонт, и мама стала уходить на работу одна, возвращаясь непременно с припорошёнными белой пылью волосами. Весь этот месяц с Веточкой и Ирккой дома сидел папа, как раз только вернувшийся из леса. Папа вечно был в разъездах, мама говорила, что он ходит там, где никто не живёт, дружит с медведями и волками, выясняет, что лежит под землёй. Ирке безумно нравилась сама мысль, что её большой и такой сильный папа дружил с медведями! Ей это казалось чем-то за гранью фантастики. И потому целый месяц, проведённый дома с папой, рассказывавшим страшилки о тёмной лесной чаще, о болотных огоньках и зеленоглазом лешем, стал для

Ирки настоящим счастьем. Юная Веточка, конечно же, ничего совсем не понимала, но тоже слушала, открыв рот. А потом папа вновь забрался в стальное брюхо поезда, и тот умчал его куда-то вдаль, оставив Ирку с Веточкой скучать в мамином царстве костей и динозавров до самого конца лета.

Никакого ремонта в музее Ирка не заметила: древние двери всё так же скрипели, по углам кабинетов грудями валялись деревянные ящики и мятые коробки, только разве что стены и потолки едко пахли побелкой, да сотрудников почти нигде не было видно – все разбежались от запаха краски по дачам и раскопкам. Мама отвела девочек в просторный лишённый окон зал, назвав его сложным словом «фондохранилище», и указала на одинокий стол в углу, загромождённый кипами бумаг:

– В комнате отдыха не закончили ремонт, а у меня в кабинете всё забито вещами, так что посидите тут. Не шумите и не бегайте, никому не мешайте, если вдруг кто заглянет, хорошо? Будьте умничками. Ира, следы за сестрой. Ты – старшая.

С этими словами мама оставила Ирке с Веточкой пенал с цветными карандашами, пару раскрасок и книжек с картинками, два желтобоких яблока, а после удалилась. Веточка тут же побежала гулять между высокими одинаковыми стеллажами, заполненными окаменелостями, а Ирка с шумным выдохом опустилась на стул. Куда ни глянь, всюду тянулись лишь шкафы с узкими ящиками и лабиринты металлических

стоек – ни людей, ни окон – ничего. Полная скука!

В хранилище было оглушительно тихо, только щёлкали тусклые лампы под самым потолком, да слышался низкий гул из-за потемневшей латунной решётки, находившейся возле углового стола. Раньше Ирка уже замечала то тут, то там в музее эти старинные сетки на стенах, ведущие в вентиляционные шахты. Они непременно были покрыты вековым слоем грязи и пыли, крепко завинчены, а через резные отверстия ничего толком нельзя было рассмотреть. Но эта решётка отличалась: она держалась всего на одном слабеньком винте, и, при желании, можно было без особых усилий подвинуть сетку, чтобы заглянуть в пустое гулкое нутро короба.

Ирка даже подёргала винтик, думая, как легко его можно вытащить пальцами. Но стоило ли? Внутри, если кто и смог бы протиснуться, то только Веточка. Иркина младшая сестра была крошечной и тонкой, как прутик, потому её, собственно, все в семье и звали Веточкой: худенькие ножки и ручки, вытянутая голова на тощей шее – в чём только жизнь держалась? Одна бабушка упрямо называла внучку полностью – Лизавета, очень обижаясь, когда кто-нибудь в её присутствии коверкал это старинное благородное имя. Но Веточка была совсем маленькой и глупой, как думалось Ирке. Она бы не поддержала игру сестры, не стала бы лезть в тёмную вентиляцию, тем более играть там в прятки.

Тоска!

Насупившись, Ирка сдалась и вернулась за стол, взялась за принесённые мамой книжки. С каждой страницы на неё смотрели динозавры. Длинношеие, всех оттенков болотного и коричневого, с маленькими невыразительными глазками – надоевшие до зубовного скрежета. И даже в раскрасках не оказалось ни одного нормального зверя, кроме этих вымерших ящеров.

Ирка раздражённо захлопнула книжки, оттолкнула их от себя на край стола. Как же ей надоел весь этот музей, до самой крыши забитый одинаковыми костями! Вот бы сейчас папа был снова рядом, рассказал бы ещё много жутких историй, растопыривая пальцы на своих потемневших обветренных руках и делая страшные глаза. Про живой, зелёный и трескучий лес, про дымные костры и долгие ночи... Это ведь куда интереснее бездушный камень и костей.

– Смотри, Ирка, там кто-то есть! – пропищала Веточка, уже успевшая пробежать несколько кругов по хранилищу и вернувшаяся к угловому столу. Теперь она сидела на корточках и неотрывно глядела за решётку вентиляции.

– Никого там нет. Просто ветер шумит, – со знанием дела фыркнула Ирка.

– Есть-есть! Посмотри! – громче заголосила Веточка и заулыбалась. – Оно ползёт сюда!

Ирка закатила глаза, но из-за стола всё же поднялась и подошла к сестре. Стоило ей присесть и поднести лицо к холодной сетке, та сразу дёрнулась.

– Ой! – пикнула от удивления Ирка, падая на попу. С грохотом решётка рухнула на пол, выбив последний шатавшийся винт. В поднятом облаке пыли показалось что-то тёмное, длинное и извивающееся. Ирка сначала не поверила собственным глазам, когда прямо на неё из непроницаемо серых внутренностей вентиляции вылезла огромная рука.

Нет, даже не рука, а Рука. Она была очень крупной, гораздо крупнее богатырских папиных рук, в кольцо которых так уютно было дремать вечерами, сидя дома в кресле. Лёгкий черноватый пух покрывал сверху гибкие пальцы, увенчанные желтоватыми обломанными когтями, а снизу виднелась нежная розовая кожа ладони, почти как у человека.

– Ух ты! – восторженно протянула Веточка, уже успевшая отбежать к ближайшему стеллажу и теперь из-за какого-то древнего булыжника поглядывавшая на неожиданного обитателя вентиляции.

– Откуда тут эта Рука? – себе под нос пробормотала озадаченная Ирка и, стараясь на всякий случай избежать гибких, изгибавшихся, как черви, пальцев, заглянула внутрь короба.

Рука оказалась чудовищно длинной. Её покрытое мягким черноватым пушком предплечье убегало вдаль, теряясь в темноте вентиляционной шахты, словно конца ему вовсе не было.

– Где твоё остальное тело, Рука? – вслух спросила Ирка, но конечность никак не могла ей ответить. – И какого тогда оно размера?

Её чрезвычайно заинтересовала эта потрясающая Рука, приползшая к ним с сестрой через переплетение труб. Ирка вдруг почувствовала себя неутомимым исследователем, и ей захотелось подробнее разобраться с необыкновенной гостью, появившейся тут будто бы исключительно для того, чтобы развеять их с сестрой скуку.

Веточка тоже вся извелась от нетерпения, радостно поглядывая на длинную Руку, ощупывавшую пальцами пол, словно осьминог, водивший щупальцами по гладкому стеклу. Они с сестрой видели подобное, когда папа отвёз их в начале лета в океанариум. Но Рука была куда забавнее жалкого серовато-розового осьминога хотя бы потому, что осьминог был там, за толстым стеклом, а когтистая мохнатая Рука ползала тут, прямо под ногами.

Тем временем Рука, и не подозревавшая, что её давно заметили, жадно поглаживала гибкими пальцами плитку на полу, скребя по ней грязными когтями, а после переползла чуть вперёд. Двигалась она по-змеиному, извиваясь, и создавалось впечатление, что костей у неё не было вовсе, настолько плавно и упруго Рука скользила по полу.

– Давай поиграем с ней! – звонко предложила Веточка, запрыгав на месте.

– А не боишься, малявка? – хитро сощуриив глаза, уязвила сестру Ирка.

– Не боюсь!

В подтверждение своих слов Веточка резко побежала в

угол, забрала со стола парочку цветных карандашей и присела возле Руки, мирно щупавшей пальцами пустую мусорную корзину неподалёку. Маленькая сестрица Ирки безбоязненно ткнула карандашом в Руку, а та, как испугавшийся зверёк, сразу резко отпрянула, прижалась к плинтусу и оцетинилась зубчатыми сломанными когтями.

Веточка заливисто засмеялась, ведь реакция Руки оказалась ей ну очень забавной, и кинула карандаш в пугливую гостью. Пальцы ловко вцепились в писчий предмет и сжали его. Раздался треск, хруст, а из ладони на пол высыпалась деревянная труха.

– Она нас боится, – почему-то шёпотом сказала сестре Веточка, не переставая улыбаться.

– Конечно, боится! Она же нас не видит. Думает, наверное, что мы можем ей навредить, – согласилась Ирка, подходя ближе и опускаясь на корточки рядом с младшей сестрой.

Рука, немного успокоившись, вернулась к старому занятию. Она опрокинула мусорное ведро и принялась в нём увлечённо копать, путаясь в шуршащем чёрном пакете.

– Что она ищет?

– Может, она голодная? Хочет найти еду? – предположила Ирка. – Зачем ещё по мусорке лазить?

Сразу вспомнив о яблоках, оставленных мамой, нетерпеливая озорная Веточка схватила их со стола и бросила в сторону Руки. Желтоватые плоды подкатились к пальцам и замерли.

– На, ешь!

Слегка вздрогнув, Рука осторожно ощупала вытянутыми щупальцеподобными пальцами предложенные дары, чуть сжала их, пока не пошёл сок, а после вдруг разгневанно отшвырнула от себя, как какую-то гниль. Побитые растрескавшиеся яблоки, подпрыгивая, укатились обратно к девочкам. А вот Рука, поняв, что дальше исследовать комнату ей спокойно не позволят, принялась втягиваться внутрь вентиляции, как огромный мягкий шнурок.

– Эй! Куда ты? Мы не поиграли! – обиженно завопила Веточка.

Но Рука её не слышала или же не слушала, а только через пару мгновений она уже исчезла в лишённом света нутре короба, и до сестёр ещё долго доносились глухие толчки и шуршание.

– Ну вот, – расстроено протянула Веточка и плюхнулась на стул.

– Может, она вернётся. Не грусти.

К обеду их пришла навестить мама. Конечно, ей не понравилось, что девочки мало того, что не прочитали ни строчки из принесённых книжек, так ещё и зачем-то сняли решётку с вентиляции (и как только сил хватило?), разбросали вокруг карандаши и яблоки.

– Вы зачем напакостили? – поправляя круглые очки и постукивая мыском туфли по полу, сурово спросила мама.

– Это не мы. Это наш новый друг, – отведя глаза, призна-

лась Веточка.

– Какой друг?

– Рука! Длинная Рука пришла с нами подружиться.

Мама как-то странно посмотрела на младшую дочку, а после перевела недовольный взгляд на Иру, крутившую в руках выуженный из пенала ластик.

– Чем вы тут занимались? Страдали от безделья?

Ирка ничего не ответила, и мама сдалась. Она никогда не умела быть строгой с дочками, как бабушка. Всё жалела их, везде с собой брала, надеялась вырастить выдающиеся умы...

– Ладно. Завтра найду вам какое-нибудь увлекательное занятие, чтобы не скучали и не выдумывали всякую ерунду. Договорились?

Девочки недружно кивнули, думая каждая о своём. Одна мечтала, что Рука снова скоро появится в хранилище и развлечёт их, а другая мрачно перебирала в голове варианты, что за занятие лишённая фантазии мама могла предложить им на следующий день.

До самого вечера Рука так и не вернулась. Не было её в вентиляции и утром нового дня, когда Ирка и Веточка, подрагивая от нетерпения, бросились в зал без окон, едва мама провела их в музей. Приставленная к вентиляции решётка темнела на фоне стены грязным прямоугольником, а за ней разливалась пустота.

Про своё обещание мама, к сожалению, не забыла. И вско-

ре на столе перед девочками появилась упаковка пластилина и маленькая плоская галька, на которой застыл окаменевший древний паучок или морская звезда – разобрать было трудно.

– Офиуры, или змеехвостки, – это донные морские животные, – поправляя очки, поделилась мама. – В ископаемом состоянии они нам известны с ордовикского периода. Они обитали и сейчас обитают возле дна, питаются всем, что поймают в свои лучи: ракообразными, планктоном и мелкими рыбами. Попробуйте вылепить для меня офиуру из пластилина, точно передайте все её детали. А я приду к обеду и проверю, хорошо?

Мама упорхнула, оставив Ирку и Веточку разглядывать окаменевшую морскую звезду, выглядевшую как скопление волосатых гусениц. Веточка вскоре от камня отвлеклась, взялась за пластилин и просто стала смешивать все цвета в единый комок гадкого цвета.

– Ты что делаешь? – без особенного энтузиазма возмутилась Ирка. – А ну дай сюда, не порти пластилин.

– Я сделаю Руку!

– Ты испортишь всё! Смешаешь все цвета, а потом ничего красивого не слепишь из него!

Ирка настойчиво попыталась отобрать липкий комок, но Веточка с писком вцепилась в своё творение.

– Не дам! Отстань! Ай!..

За их спинами рухнула на пол приставленная к стене ре-

шётка, и девочки, испугавшись, отбежали на два шага. Из вентиляции, осторожно ощупывая пространство перед собой, показалась Рука.

– Она вернулась! – радостно воскликнула Веточка и сразу забыла про пластилин, оставив коричневатую-серую массу в руках сестры. А сама приблизилась к гостье и легонько ткнула в неё пальцем. Рука не вздрогнула в этот раз, только замерла на мгновение, а после вдруг изогнулась к стене и принялась что-то карябать на побелке сломанным когтём.

– Что она делает? – Ирка бросила пластилин на стол, обтёрла руки о футболку и приблизилась.

Сперва было не совсем ясно, что там царапала Рука, но едва она отодвинулась, перебирая пальцами, Ирке и Веточке открылся простенький рисунок из палочки с неровными концами.

– Это воздушный шарик? Или карандаш?

– Это похоже на косточку, – прищурившись, предположила Ирка, часто видевшая, как точно такие же кости её бабушка в деревне давала лохматому дворовому псу Полкану. Тот их с удовольствием обгладывал, после закапывал за будкой и с чистой совестью забывал, где зарыл.

– Она любит косточки, как мама? – не поняла Веточка.

– Нет, как собачка. Давай найдём ей что-нибудь? Может, тогда она с нами подружится?

В хранилище, полном древних тысячелетних костей, это оказалось не так-то просто. Все ископаемые, что Ирка и Ве-

точка приносили Руке, та отвергала, отшвыривая их от себя, стоило только ловким пальцам тщательно ощупать добычу.

– Ей не нравится! – чуть ли не плача, Веточка собирала с пола очередные осколки.

– Точно! – Ирка стукнула себя ладонью по лбу. – Это ведь камни! Мама говорила, когда кости динозавров долго лежат в земле, они превращаются в камень. Потому Рука их и не берёт.

– А где взять настоящие косточки?

Приглядываясь к одинаковым рядам высоких металлических стеллажей, скользя вдоль тусклых надписей, полук с россыпями аммонитов и отпечатками доисторических водорослей, Ирка набрела на одинокий шкаф, из которого мама часто что-то забирала для своей работы. Венчал этот шкаф громадный беззубый череп с мощными рогами. Череп был желтоватым, и Ирка вспомнила, что в ящиках и за стеклом должны были лежать косточки животных для стендов о многообразии фауны, как не раз повторяла мама. Косточки животных, что существовали в мире и сейчас, а, значит, точно были куда моложе динозавров.

Набив карманы мелкими рёбрышками, лишёнными челюстей черепками и сломанными лапками, Ирка быстрее вернулась к угловому столу. Рука терпеливо ждала, будто знала, что рано или поздно ей принесут подходящую добычу, а Веточка всё крутилась рядом, боясь и одновременно безумно желая погладить шелковистый чёрный пушок, покрывавший

кожу Руки.

Стоило когтистым пальцам коснуться настоящих хрустящих косточек, как Рука вся задрожала от предвкушения и радости. Она моментально сгребла выложенное перед ней угощение и исчезла с ним в продуваемом тоннеле вентиляции.

– Э-эй... – грустно протянула Веточка, так и не успевшая дотронуться до своего нового друга.

Но через пару минут Рука как ни в чём не бывало вернулась и вновь постучала длинным гибким пальцем по стене, где была изображена кость. Осчастливленные собственной нужностью дети бросились к шкафу с косточками и принялись вытаскивать из него всё, что могли унести.

Рука жадно принимала подношения, переносила их куда-то далеко в вентиляцию и непременно возвращалась за добавкой, а девочки и рады были стараться. Их очень забавляла эта игра, ведь они помогали своему необыкновенному другу. А в самом конце, когда мамин шкаф был хорошенько прорезен, Веточка всё же рискнула протянуть свою маленькую ладошку к Руке и робко коснулась шерсти. Ни она, ни Ирка не ожидали, что Рука отреагирует моментально, извернувшись, как уж, и схватив цепкими пальцами запястье Веточки.

– Ай! – та удивлённо вскрикнула, а Рука вдруг сжала её сильнее, лианой оплетая хрупкое предплечье. – Бо-ольно! Мне больно!

Ирка мгновенно оказалась рядом и резко шлёпнула Руку по пальцам, не позволяя причинять боль младшей сестре. На её счастье, Рука покорно отпустила запястье и тут же скрылась в трубах вентиляции, постукивая длинным телом по коробу.

– Зачем она так больно сжала? – блеснув слезами обиды, спросила Веточка, но Ирка всё свела к шутке. Мол, Рука просто не рассчитала силу, просто забавлялась, пугала. Но про себя Ирка подумала, что эта подозрительная гостья из вентиляции старого музея совершенно точно ощупывала младшую сестру, будто впервые узнав, что за мягкой плотью людей скрываются кости. У неё самой-то костей не было. Она лишь могла таскать чужие. И от этой мысли Ирке стало как-то нехорошо. Даже мурашки промаршировали по спине дружным строем, а на затылке встопорщились маленькие короткие волосики.

Но беспокойство тревожило её ровно до того момента, как в хранилище пришла мама и долго сердилась по поводу невыполненного задания, испорченного пластилина и пропавших из её шкафа костей. Последнее вообще вывело её из себя, и никакие оправдания про голодную Руку из вентиляции не позволили девочкам избежать наказания. Мама взяла такси и отвезла сестёр домой, где заперла их в детской, отбрав ящик с игрушками и погрозив, чтобы думать забыли о сладком до завтрашнего дня.

Своё наказание Ирка и Веточка перенесли стоически,

хоть они и не понимали, почему мама так злилась из-за костей. Их ведь вон ещё сколько осталось – целый музей, внушительное хранилище, бесконечные склады в подвале! Зачем тут волноваться? Да и нужно же было кому-то накормить Руку, а то она бы так и ползала голодная по вентиляции, воровала бы экспонаты втихаря от всех.

На следующий день мама отошла: размякла от грустных умоляющих глаз Веточки за завтраком и согласилась вновь взять девочек на работу. Только внимательная Ирка и успела заметить, как младшая сестра утащила из папиной комнаты маленькие оленьи рога на деревянном щите, висевшие до этого на стене, над комодом. Она спрятала их в свой цветастый рюкзачок и никому ничего не сказала.

А уже в хранилище мама повелела дочкам перерисовать в тетрадку окаменелость офиуры-змеехвостки и до конца дня обязательно найти косточки, которыми они вчера игрались. Лишь после того, как за мамой закрылась дверь, Веточка достала из рюкзачка колючие оленьи рожки.

– Ты зачем их у папы забрала? – спросила Ирка. – Он, когда приедет, расстроится.

– Папа нескоро приедет. А у нас зато будет дру-у-уг, – протянула Веточка, приблизившись к решётке вентиляции. Но как она ни стучала по сетке, как ни звала Руку, та всё не показывалась.

Прошло несколько часов, Ирка даже взялась рисовать на бумаге вчерашнюю окаменелость змеехвостки, тщательно

выводя закручивающиеся в спирали длинные гибкие отростки, а Веточка всё крутилась возле решётки, не желая успокаиваться.

– Я гляну одним глазком, где она там, – едва слышно прошептала Веточка, с трудом сдвинула латунную сетку и присела.

– Не лезь туда, – устало попросила Ирка. – Пыли нахватаешься.

– Я хочу найти Руку. Мы вчера её обидели, ударили. Я хочу дать ей рога, чтобы она не обижалась.

С грохотом и сопением Веточка поползла в вентиляцию, шлёпая ладонями по гладким стенкам и таща с собой маленькие рожки. Ирка на всё это поглядела с сомнением и даже некоторой опаской. Ведь глупая сестрица могла и застрять там.

Продвинувшись вглубь совсем немного, Веточка вдруг звонко воскликнула:

– Она здесь! – Послышалось шуршание и короткий чих. – Привет! Я принесла тебе подарок... Эй! Ты что делаешь? Ай! Ай! Больно! Пусти! Ай!

Веточка закричала вдруг так пронзительно и звонко, что у Ирки похолодело в груди. Она сорвалась с места и практически нырнула в вентиляцию, но узкий ход был для неё маловат – плечи никак не желали пролезать, а голове негде было развернуться. Чуть впереди маячили трепыхавшиеся ножки Веточки, которая, не переставая, голосила и плакала, будто

эта огромная Рука там зверски её мучила.

– Я тебя вытащу! – не своим голосом заорала Ирка и, с усилием протиснув вперёд одну руку, ухватила-таки сестру за ступню. Но едва она потянула Веточку на себя, как вдруг почувствовала сопротивление такой невероятной силы, что у неё чуть не выбило сустав из плеча.

Веточку рывками затягивали вглубь вентиляции, и Ирка, как бы ни старалась, не могла справиться с этой мощью, не могла удержать дрыгавшуюся ногу сестры. Пальцы её соскользнули со ступни, удалось лишь ухватиться за ремешок сандалика. А Веточка тем временем перешла на истошный вопль, тонувший в металлическом коробе.

Ремешочек легко и беззвучно лопнул.

Ирка ухватила пальцами пустую обувь, а крик сестры вдруг стал от неё резко удаляться, словно её утаскивали неизвестно куда. И в тот же миг раздался отчётливый жуткий хруст, будто где-то там, впереди, разломали надвое крепкий ивовый прутик. И все крики сразу замолкли.

– Лизка! – в отчаянии взвизгнула Ирка, стуча ладонью по стенкам тоннеля и пытаясь хоть что-нибудь разглядеть в полумраке вентиляционной шахты.

Но сестра ей не отвечала, впереди её не было. И только откуда-то издали раздавался однообразный шуршащий звук, словно, извиваясь, ползло по трубам нечто гигантское, тяжёлое и тащило в свою нору безжизненное тело, полное сладких ломких косточек.

Даже когда Ирка всё же удалось выбраться из тесной вентиляции, она не уставала звать сестру, стучать по стенкам и заглядывать внутрь. Слезы текли по её щекам сами собой, она не обращала на них внимания и всё не могла поверить, что этот звук, этот ужасающий хруст, издало тело сестры, когда Рука сдавила его покрепче. Не могло такого быть... Не могло!..

Как она добежала до мамы, Ирка не помнила. Действовала будто во сне: рот сам собой открывался, рассказывая всё о Руке и о младшей сестре, пальцы сами дрожали, как и голос, а глаза покорно исторгали из себя солёные слёзы. Мама, конечно же, не поверила. Долго просила её не отвлекать, не ввязывать в свои глупенькие детские игры. Пока Ирка не взяла её за руку и не отвела к разверстому зеву вентиляции в хранилище, возле которого валялся порванный сандалик, а на стене было выцарапано изображение кривой белёсой косточки.

Стоило им приблизиться, внутри что-то шумно завозилось, гулко загредел короб, и прямо под ноги оторопевшей матери и дочке вывалились окровавленные тряпки и склизкие куски свежего мяса. Мягкий цветастый рюкзачок, обломанные олени рога, второй сандалик, одежда Веточки и её кожа с алыми шматками мяса. Как Ира это узнала? На снятом скальпе с светлыми волосами поблёскивала синяя заколка, которую ещё этим утром Ирка одолжила младшей сестре.

У мамы случилась настоящая истерика. Она так кричала,

что Ира всерьёз испугалась за неё. Мама хваталась за волосы, потом за воротник кофты, задыхалась и всё не могла найти силы подступить к вороху одежды и плоти, валявшемуся на полу. Тем временем в коробе снова завозились, как-то нетерпеливо и грубо толкаясь о стены.

– Нужно уходить отсюда! – дёрнув маму за рукав, испуганно крикнула Ирка. – Кажется, Рука ещё голодна. Ей мало Веточки... Ей понравились свежие косточки...

Она потянула к выходу не особенно сопротивлявшуюся маму, на бледном лице которой поблёскивали искусанные в кровь губы и забрызганные слезами очки. Вместе они побежали по полутёмным коридорам, где, будто назло, не было ни одной живой души. Куда подевались все сотрудники? Ну неужели в целом музее на лето не осталось никого, кроме Иры и её мамы? Или, может быть, всех их уже затащила к себе в вентиляцию оголодавшая Рука?

Всюду, со стен и из помещений, на Ирку поглядывали неотличимые друг от друга латунные решётки. Она бежала, понимая, что нигде не будет спасения, везде Рука сможет до них добраться. Мама, спотыкаясь, спешила позади, круглыми сумасшедшими глазами смотря только себе под ноги, но всё же, когда они пробежали мимо её кабинета, на мгновение пришла в себя и затащила дочь внутрь, захлопнув дверь и щёлкнув замком.

– Телефон! Нужно позвонить! Её спасут! – пробормотала мама и схватила трубку, дрожащими пальцами принявшись

набирать какие-то цифры.

Ирка, оглядевшись по сторонам, уселась на деревянный ящик в самом углу и попыталась успокоить гроыхавшее в груди сердце. В смерть маленькой сестры не верилось. Тот ужас, что она увидела, никак не укладывался в голове. Ещё час назад Веточка была с ней, а теперь от непоседливой девочки остались только кровавые ошмётки и одежда... Как же так?.. Неужели это Ирка во всём виновата? Это ведь она так плохо следила за сестрой.

Мамин кабинет утопал в пыльных коробках, сгруженных тут на время ремонта, выстроившихся кривыми рядами этажерок и конторок. Стен за мебелью видно не было, и Ирка всё пыталась вспомнить, была ли тут когда-нибудь раньше решётка вентиляции. Видела ли она её хоть раз, пока без дела сидела с Веточкой возле маминого стола в свои прошлые посещения музея?

Мама кричала в трубку, плакала и пыталась кому-то что-то истерично доказать, но её не слушали, как до этого она сама не слушала свою рыдающую дочку. Женщина в ярости била кулаком по столу, а потом вдруг пальцы её вмиг ослабели, а трубка выпала из ладони. Окостенев от ужаса, мама, не моргая, смотрела в дальний угол. Там стоял массивный старый шкаф, плотно прижавшийся к стене, а из-за него доносились сперва тихие, но быстро набиравшие громкость звуки: будто кто-то целенаправленно и грубо ломился в металлическую преграду, из-за чего подрагивал весь шкаф, а

в нём перекатывались и стучали друг о друга окаменелости, звенели стёкла. Наконец послышался пронзительный скрежет, звон упавшей на пол латунной решётки, а немаленький шкаф легко сдвинулся, и из-за его тёмно-коричневой стенки, перебирая гибкими пальцами и скребя когтями по древесине, показалась Рука.

Взвизгнув, мама бросилась к двери, на ходу хватая Ирку за одежду и таща за собой. Замок поддался не сразу, проskalъзывая во взмокших от страха пальцах. Когда дверь всё же распахнулась, мама, не теряя времени, вылетела в коридор вместе с дочерью. За их спинами шумно ворочалась Рука, пытаясь пробраться к выходу через нагромождение коробок.

В ближайшем к кабинету закутке висел старый ярко-красный пожарный щит, живший здесь задолго до начала ремонта. На нём устроились бок о бок ржавое ведро с песком, гарпун, гнутая лопата, огнетушитель и увесистый трухлявый топор. Его-то мама и схватила, крепко сжав вспотевшими ладонями и угрожающе наставив на Руку, только показавшуюся в дверном проёме. Всё происходящее казалось Ирке кошмаром или какой-то нелепой сценой из фильма, но ей так хотелось верить, что её смелая мама обязательно справится с монстром. Взрослые ведь всегда оказываются правы, они всегда побеждают, разве не так?

И когда мама замахнулась топором, закинув его себе за голову, девочка ещё надеялась на удачный конец, на скорый

успех. А потом топор со свистящим звуком опустился вниз, прямо на вертевшуюся на полу Руку, искавшую новую добычу. И его металлическая верхняя часть вдруг резко сорвалась с топорщица, пролетела вперёд и с грохотом упала возле Руки, даже не оцарапав.

В следующее мгновение тварь из вентиляции выстрелила вверх, как хищная змея, и за секунду оплела собой маму Ирки, вонзаясь когтями в её тело, вспарывая одежду и кожу. Огромная ладонь заслонила испуганное, скривившееся от отвращения и отчаяния лицо женщины, смяв её очки, как бумажные, вдавив осколки линз в щёки, а после повалила жертву на пол.

– Не-ет! – только и услышала остолбеневшая от ужаса Ирка, когда её дорогую мамочку Рука потащила по коридору и ловко затянула в приоткрытую дверь кабинета.

– Мама! Мама! – отмерев, воскликнула девочка и бросилась следом, путаясь в ногах. – Пусти её! Ты, чудовище, пусти маму!

Но Рука действовала куда ловчее. Гигантским хватким питоном она комкала тело своей добычи, и Ира не сразу поняла, что перемежавший визги хруст был треском ломаемых костей и вывихнутых суставов. А после Рука стала втягиваться в вентиляцию за шкафом, круша мебель и коробки на своём пути. И Ира, задыхаясь от непонимания, собственного бессилия и страха, смотрела, как изломанное тело матери исчезало в чёрном провале узкого хода. Рука грубо и неак-

куратно тащила добычу, не беспокоясь о её целостности, за-
пихивая слишком крупную жертву в тесный металлический
короб, жалобно скрипевший от натуги.

И Ира осталась совсем одна посреди разгромленного ка-
бинета, трясущаяся, не сводившая обезумевший взгляд с
бездонной дыры за шкафом, обрамлѐнной алыми брызгами
ещѐ тёплой крови.

– Мамочка... Мамочка, вернись ко мне, – прошептала Ир-
ка, вытянув руку к зеву вентиляции. – Пожалуйста, вернись.

Но из тоннеля не доносилось ни звука. Едва стих грохот и
скрежет, едва тело матери оказалось где-то глубоко под зда-
нием музея, Ирка больше не слышала Руку. Только чуяла
нутром, что скоро ненасытная тварь должна была вернуться
за добавкой.

Девочка сгорбилась, скрючилась, опустилась на четве-
реньки, словно пытаясь стать незаметнее.

– Мама, вернись. Мне так страшно без тебя. Помоги
мне... Верни Веточку. Она ведь не умерла, правда? И ты не
умерла... Нет, ты не могла умереть, ты же моя мама. – Бор-
мотание Ирки плыло вязким туманным маревом по пустому
кабинету. – Мамочка, только вернись, прошу, и я стану са-
мой послушной дочкой на свете. Я обещаю. Я буду читать
все твои книжки про динозавров, я буду есть суп и буду все-
гда следить за Веточкой. Только вернись, мама!..

Тишина была ей ответом. Гулкая безжизненная тишина.
Которую вдруг пререзал лёгкий нарастающий звук – шурша-

ние в трубах. С замиранием сердца Ирка пялилась на вентиляцию, но оттуда никто не вылез. Лишь вывалилась неаккуратная груда тряпок, кожи и мяса. Совсем такая же, как осталась после Веточки. Только поверх этой лежали знакомые разбитые очки.

И тогда Ирка в голос разревелась, спрятав лицо в грязных ладонях. Она не знала, что должна была делать. Не знала, как спастись самой, как жить теперь без мамы и сестры, от которых почти ничего не осталось, кроме груди влажно блестящей плоти. Даже папы рядом не было. Её могучего и смелого папы, который дружил с медведями, который бродил в одиночестве по непролазным мрачным лесам. Папы, наверняка сумевшего бы справиться с Рукой. Он бы точно помог, спас бы маму с сестрой, защитил маленькую слабую Иру. Но папа опять был где-то там, далеко за городом, в сотнях километров от неё. Когда он был нужен, его никогда не оказывалось рядом.

Едва в вентиляции снова завозились, Ирка испуганно вскочила на ноги, очнувшись от овладевшего ей ступора. Теперь эта прожорливая Рука точно пришла уже за ней! Нужно было бежать прочь из музея. Спасаться и прятаться дома, где никаких вентиляций и в помине не было.

Гулко сглотнув, Ирка выскочила из кабинета, слыша, как за спиной с шорохом сдвигаются коробки. Рука шарила по захламлённой комнате в поисках новой добычи. А девочка, шумно дыша, проскочила мимо старого пожарного щита, но,

вдруг передумав, вернулась и сняла висевшую на самых нижних крюках лопату – больше она ни до чего там не дотягивалась. Но ведь лопатой тоже можно защититься! Ирка не раз видела, как бабушка на даче лопатой рубила толстые корни, а иногда и попадавших под ноги гадюк с ужами. Жутковатое было зрелище!

За спиной Ирки что-то завозилось. Пока она примеривалась к тяжёлой гнутой лопатке, Рука, извиваясь и пальцами подтягивая себя по полу, подкралась к ней опасно близко.

– Прочь! – выставив перед собой лопату, крикнула Ирка, отчаянно храбрясь.

Но ничего не слышавшая Рука лишь ткнулась вперёд, продолжая поиски, и когда её мохнатая когтистая лапа оказалась возле самых ног Ирки, та крепко зажмурилась и резко опустила лопату вниз, прямо как делала бабушка. Лопата неожиданно крепко вонзилась в мякоть, а после легко отсекла трепыхавшуюся кисть с червями пальцев. Ирка даже не поверила, приоткрыла глаза и чуть не заплясала от восторга. Ей одним ударом удалось перерубить запястье!

Истекавшее буровой кровью предплечье задрожало, завертелось на месте, закручиваясь в узлы, а после с резким скользящим свистом втянулось обратно в кабинет, оставив омерзительную скрючившуюся кисть валяться возле девочки. Но Ирка не успела ни улыбнуться, ни порадоваться своей победе, как пол под её ногами содрогнулся. Будто где-то глубоко внизу, под зданием музея, нечто глухо заворочалось,

закопошилось, недовольно переваливаясь с боку на бок. С потолка и стен посыпались хлопья побелки, а Ирка задрожала, как лист на ветру. Впервые её посетила мысль, что она поступила неправильно.

И в следующий миг всё здание от основания и до самой крыши пронзил оглушительный скрежещущий визг, переходящий в ультразвук. Он разносился по металлическим лабиринтам вентиляции, по безлюдным кабинетам и коридорам, а стёкла витрин в выставочных залах робко дрожали и звенели. Ирка зажмурилась, заткнула уши, но всё равно слышала этот вопль, исполненный муки, обиды и злости. Чудовище, ещё недавно лакомившееся свежими костями, теперь стонало от пульсирующей боли в отрубленной конечности. Добыча впервые смогла навредить ему.

А после, зарокотав гневно и грозно, это древнее чудовище, скрывавшееся во мраке подземных ходов, решило во что бы то ни стало добраться до обидчицы. И сделать с ней то же самое, что и она сотворила с одной из его рук.

Оторвать, откусить, отрубить! Вырвать кости из плена плоти и перемолоть их в пыль!

Медленно отступавшая назад Ира, побелевшая как снег и нервно сжимавшая в руках бесполезную теперь лопату, широко распахнутыми от ужаса глазами наблюдала, как с треском и шумом срывались латунные решётки со стен коридора одна за другой. А следом из тёмных дыр, из гулких тоннелей и провалов выползали змеившиеся Руки. Десятки, сот-

ни одинаковых длинных Рук с обломанными жёлтыми ногтями и чёрным ворсом шерсти, лишённые костей и какой-либо жалости. И все они искали лишь одну маленькую девочку, чтобы навечно затащить её в бездну подземелья, а после выбросить на поверхность ненужную теперь грудку плоти.